

Пролог

Во время Гражданской войны в Испании около 200 000 мужчин и женщин погибли не на полях сражений, они были либо убиты безо всякого суда и следствия, либо казнены по несправедливому приговору после ненадлежащего судебного разбирательства. Это был результат военного переворота против Второй республики¹ (примечания см. в конце книги. — *Примеч. ред.*), случившегося 17–18 июля 1936 года. Примерно столько же людей погибли во время боестолкновений. Не поддающееся учету число мужчин, женщин и детей погибли в результате бомбардировок и массовой эмиграции, последовавшей за оккупацией территории военными силами Франко. После окончательной победы мятежников в конце марта 1939 года по всей Испании были казнены около 20 000 республиканцев. Еще больше людей умерли от болезней и недоедания в антисанитарных условиях переполненных тюрем и концентрационных лагерей. Другие погибли в условиях рабского труда в рабочих батальонах. Более 500 000 беженцев были вынуждены покинуть страну, и многим из них предстояло умереть от болезней во французских лагерях. Несколько тысяч человек были до смерти замучены в нацистских концлагерях. Цель этой книги — показать, насколько это возможно, что и почему происходило с гражданским населением Испании в тот период. Все произошедшее составляет то, что, по моему мнению, можно с полным основанием назвать испанским холокостом.

Я долго думал над использованием слова «холокост» в названии этой книги. Я испытываю глубокую скорбь и возмущение по поводу целенаправленной попытки нацистов уничтожить европейское еврейство. Я также испытываю глубокую скорбь и возмущение по поводу меньших, но не менее масштабных страданий, выпавших на долю испанского народа во время Гражданской войны 1936–1939 годов и в течение нескольких лет после нее. Мне не

удалось подобрать слово, которое более точно отражало бы эти события, чем «холокост». Более того, на мой выбор повлиял тот факт, что те, кто оправдывал истребление невинных испанцев, использовали антисемитскую риторику и часто утверждали, что их нужно было уничтожить, потому что они служили орудием «еврейско-большевицско-масонского» заговора. Тем не менее я использую слово «холокост» не для того, чтобы приравнять то, что произошло в Испании, к тому, что происходило в остальной части континентальной Европы под немецкой оккупацией, а для того, чтобы предложить рассмотреть это в широком сравнительном контексте. Таким образом мы надеемся выявить параллели и связи, которые помогут лучше понять случившееся в Испании во время Гражданской войны и после нее.

По сей день генерал Франко и его режим имеют довольно приличную репутацию в прессе. Это объясняется рядом устойчивых мифов о преимуществах его правления. Наряду с тщательно выстроенной теорией о том, что он был вдохновителем экономического «чуда» в Испании в 1960-х годах и героически спас свою страну от Второй мировой войны, существует множество фальсификаций об истоках его режима. Они базируются на первоначальной лжи о необходимости Гражданской войны для спасения Испании от захвата коммунистами. Успех этой фальсификации привел к тому, что в большинстве работ, посвященных Гражданской войне в Испании, последняя изображалась как противостояние двух более или менее равных сторон. Проблема же невинных жертв среди мирного населения подводится под эту концепцию и тем самым «нормализуется». Более того, антикоммунизм, нежелание верить в то, что офицеры и джентльмены могут быть причастны к преднамеренному массовому убийству мирных граждан, и неприятие антиклерикального насилия в какой-то мере объясняют серьезный пробел в историографии этой войны.

В литературе, посвященной данному конфликту и его последствиям, относительно мало внимания уделяется тому, в какой степени военные действия мятежников были построены на предварительном плане систематических массовых убийств и последующем режиме государственного террора. То же самое можно сказать и о том, что цепная реакция, подпитывавшая ответные массовые убийства в зоне, контролируемой лоялистами², была запущена, как только планы военных мятежников начали претво-

ряться в жизнь с ночи 17 июля 1936 года. Коллективный террор в обоих тылах, развязанный жестокими преступниками против невинных граждан, оправдывает использование в данном контексте слова «холокост» не только из-за его масштабов, но и потому, что в испанском случае, как и в случае Германии и России, следует ссылаться на его признаки систематического истребления населения.

Были проведены две тыловые репрессии — в зонах контроля республиканцев и мятежников. Несмотря на то что количественно и качественно они сильно отличались друг от друга, каждая из них унесла жизни десятков тысяч людей, большинство из которых не были виновны ни в каких-либо правонарушениях, ни даже в политическом активизме. Лидеры восстания, генералы Мола, Франко и Кейпо де Льяно, рассматривали испанский пролетариат так же, как и марокканский, — как низшую расу, которую необходимо подчинить внезапным, бескомпромиссным насилием. Поэтому они развязали в Испании образцовый террор, отработанный ими в Северной Африке, задействовав Испанский иностранный легион и марокканских наемников колониальных войск — «Регуларес»³.

Их одобрение вопиющей жестокости своих людей отражено в военном дневнике Франко за 1922 год, где с любовью описываются разрушенные марокканские деревни и их обезглавленные защитники. Он с удовольствием рассказывает о том, как его подросток-горнист отрезал ухо пленному⁴. Франко сам командовал 12 легионерами во время рейда, из которого они вернулись с трофеями в виде окровавленных голов 12 представителей племени⁵. Обезглавливание пленных и нанесение им увечий было обычным делом. Когда генерал Мигель Примо де Ривера посетил Марокко в 1926 году, целый батальон Легиона ожидал инспекции с головами, насаженными на штыки⁶. Во время Гражданской войны террор Африканской армии аналогичным образом применялся на материковой части Испании как инструмент хладнокровно задуманного проекта по укреплению будущего авторитарного режима.

Репрессии, проводившиеся военными мятежниками, были тщательно спланированной операцией по уничтожению, по словам руководителя переворота Эмилио Мола, «тех, кто думает не так, как мы, без угрызений совести и колебаний»⁷. Репрессии в зоне контроля республиканцев, напротив, характеризовались горячностью и реактивностью. Вначале это была спонтанная оборонительная реакция на восстание, которую впоследствии

обострили привезенные беженцами новости о зверствах военных и бомбардировки мятежников. Трудно представить, как насилие в республиканской зоне могло бы произойти без военного переворота, фактически снявшего все ограничения, принятые в цивилизованном обществе. Разрушение структур правопорядка в результате переворота привело к взрыву как слепой тысячелетней мести (накопленной обиды за угнетение на протяжении веков), так и безрассудной преступности тех, кого выпустили из тюрьмы, или тех, кто никогда ранее не осмеливался дать волю своим инстинктам. Кроме того, как и в любой войне, существовала реальная военная необходимость борьбы с врагом изнутри.

Нет сомнений в том, что по мере развития Гражданской войны враждебность противников нарастала, подпитываемая негодованием и желанием отомстить, когда до них доходила информация о творившемся на другой стороне. Тем не менее также очевидно, что с первых же минут в воздухе витала ненависть, которая выплеснулась в североафриканском форпосте Сеуты ночью 17 июля 1936 года или в республиканских казармах Куартель-дела-Монтанья в Мадриде 19 июля. В первой части данной книги рассказывается о том, как разжигалась эта вражда. Поляризация стала следствием решимости правых блокировать реформаторские устремления демократического режима Второй республики, установленного в апреле 1931 года. Противодействие реформам привело к еще более радикальной реакции левых. В то же время были разработаны правые теологические и расовые теории, оправдывавшие вмешательство военных и уничтожение левых.

В случае военных мятежников в их планировании и подготовке центральное место занимала программа террора и истребления. Учитывая численное превосходство городских и сельских рабочих классов, они считали, что мгновенное развязывание террора будет иметь решающее значение для их победы. При помощи сил, ожесточенных колониальными войнами в Африке, и поддержке местных землевладельцев этот процесс контролировался на юге генералом Кейпо де Льяно. В значительно отличающихся друг от друга Наварре, Галисии, Старой Кастилии и Леоне — глубоко консервативных районах, где военный переворот почти сразу же увенчался успехом, а сопротивление левых было минимальным, — применение террора под руководством генерала Мола было непропорционально жестоким.

Цели мятежников по истреблению несогласных, если не их военный потенциал, нашли отклик в крайне левых кругах, в частности в анархистском движении, в риторике о необходимости «очищения» коррумпированного общества. В районах, подконтрольных республиканцам, скрытая ненависть, проистекавшая из нищеты, голода и эксплуатации, вылилась в неорганизованный террор, особенно в Барселоне и Мадриде. Объектами насилия неизбежно становились не только военные, причастные к восстанию, но и богачи, банкиры, промышленники и землевладельцы, которые воспринимались как угнетатели. Репрессии, зачастую более жестокие, также были направлены против представителей духовенства, считавшихся пособниками богачей, узаконивающими несправедливость, в то время как Церковь накапливала баснословные богатства. В отличие от систематических репрессий, проводившихся мятежниками в качестве инструмента политики, это беспорядочное насилие совершалось вопреки республиканским властям, а не по их указу. В результате усилий сменявших друг друга республиканских правительств по восстановлению общественного порядка левые репрессии действительно были сдержаны и в основном прекратились к декабрю 1936 года.

Два самых кровавых эпизода Гражданской войны в Испании, тесно связанные между собой, касаются осады Мадрида мятежниками и обороны столицы. Африканская армия Франко, так называемая колонна смерти, оставляла за собой кровавый след, завоевывая города и деревни на пути из Севильи в столицу. Объявив таким образом, что может ожидать Мадрид, если капитуляция не будет немедленной, ответственные за оборону города приняли решение об эвакуации правых заключенных, в частности офицеров, поклявшихся при первой же возможности присоединиться к мятежникам. Реализация этого решения привела к печально известной резне правых в Паракуэльосе на окраине Мадрида.

К концу 1936 года сформировались две разные концепции войны. Республика находилась в обороне как против Франко, так и против внутренних врагов. В числе таких врагов была не только процветающая повстанческая пятая колонна⁸, которая занималась шпионажем, саботажем и распространением пораженчества и уныния. Угрозу международному имиджу Республики и ее военным действиям также видели в революционных амбициях анархистского движения, состоявшего из профсоюза *Confederación*

Nacional de Trabajo (CNT, Национальная конфедерация труда)⁹ и его активистского крыла *Federación Anarquista Ibérica* (FAI, Федерации Анархистов Иберии)¹⁰. Антисталинская *Partido Obrero de Unificación Marxista* (P.O.U.M., Рабочая партия марксистского единства)¹¹ в равной степени была полна решимости сделать приоритетом революцию. И те и другие стали объектами внимания силовых ведомств, что положило конец бесконтрольным репрессиям первых месяцев. Со стороны мятежников стремительное продвижение Африканских колонн сменилось умышленно затяжной войной Франко на уничтожение в Стране Басков, Сантандере, Астурии, Арагоне и Каталонии. Его военные усилия все больше задумывались как инвестиции в террор, который должен был способствовать установлению его диктатуры. Послевоенная система судебных процессов, казней, тюрем и концентрационных лагерей закрепила эти инвестиции.

Цель заключалась в обеспечении гарантий того, что интересы истеблишмента больше никогда никем не будут оспариваться, как это было в период с 1931 по 1936 год в результате демократических реформ Второй республики. Когда духовенство оправдывало, а военные претворяли в жизнь призыв генерала Мола уничтожить «тех, кто думает не так, как мы», они не участвовали в интеллектуальном или этическом крестовом походе. Предполагалось, что защита интересов истеблишмента требует искоренения «мышления» прогрессивных либеральных и левых элементов. Последние ставили под сомнение центральные догматы правых, которые можно было бы выразить в лозунге главной католической партии, *La Confederación Española de Derechas Autónomas* (CEDA, Испанская конфедерация автономных правых)¹², — «Религия, Отечество, Семья, Порядок, Работа, Собственность», — неприкосновенные составляющие социальной и экономической жизни Испании до 1931 года. «Религия» означала монополию католической церкви на образование и религиозную практику. «Отечество» — отсутствие вызова испанскому централизму со стороны регионального национализма. «Семья» — подчиненное положение женщины и запрет на развод. «Порядок» означал нетерпимость к общественным протестам. «Работа» относилась к обязанностям трудящихся масс. Под «Собственностью» подразумевались привилегии землевладельцев, чье положение должно было оставаться неоспоримым. Иногда в список включалось слово «Иерархия», дабы подчеркнуть

незыблемость существующего социального порядка. В районах, занятых мятежниками, непосредственными жертвами обеспечения защиты всех этих постулатов становились не только школьные учителя, масоны, либеральные врачи и адвокаты, представители интеллигенции и лидеры профсоюзов — те, кто мог пропагандировать левые идеи. Убивали и тех, кто мог попасть под влияние их идей: профсоюзных активистов; тех, кто не посещал мессу; тех, кого подозревали в голосовании в феврале 1936 года за левую избирательную коалицию, Народный фронт¹³; и женщин, получивших право голоса и право на развод.

Что все это означало с точки зрения количества смертей, до сих пор невозможно сказать с точностью, хотя общие черты ясны. Поэтому в книге часто приводятся ориентировочные цифры, основанные на масштабных исследованиях, проведенных по всей Испании в последние годы многими местными историками. Однако, несмотря на их выдающиеся достижения, представить окончательные данные об общем числе погибших в тылах, особенно в зоне мятежников, все еще невозможно. Цель всегда должна заключаться в том, чтобы основывать количество убитых в обеих зонах на именах погибших. Благодаря усилиям республиканских властей того времени по идентификации тел и дальнейшим исследованиям, проведенным франкистским государством, число убитых или казненных в республиканской зоне известно с относительной точностью. Самая достоверная из последних цифр, определенная крупнейшим экспертом по этому вопросу Хосе Луисом Ледесмой, составляет 49 272 человека. Однако неопределенность относительно масштабов убийств в республиканском Мадриде может привести к увеличению этого числа¹⁴. Даже в тех районах, где были проведены достоверные исследования, из-за новой информации и раскопок общих могил цифры постоянно пересматриваются, хотя и в относительно небольших пределах¹⁵.

Напротив, подсчет числа жертв республиканцев, пострадавших от насилия мятежников, сопряжен со множеством трудностей. В 1965 году франкисты вдруг задумались о невообразимом — о том, что каудильо не бессмертен и что нужно готовиться к будущему. Только в 1985 году испанское правительство начало принимать запоздалые и нерешительные меры по защите национальных архивов. За эти важнейшие двадцать лет были потеряны миллионы документов, включая архивы единственной партии режима

Франко — фашистской Фаланги¹⁶, провинциальных полицейских управлений, тюрем и главных франкистских местных органов власти — гражданских губернаторов. Колонны грузовиков вывозили «судебные» отчеты о репрессиях. Помимо намеренного уничтожения архивов, были и «нечаянные» потери, когда некоторые городские советы продавали тонны своих архивов как макулатуру для переработки¹⁷.

Серьезное исследование стало возможным только после смерти Франко в 1975 году. Когда исследователи приступили к работе, они столкнулись не только с умышленным уничтожением франкистскими властями значительной части архивных материалов, но и с тем, что многие смерти были просто зарегистрированы ошибочно либо вовсе не были зарегистрированы. Помимо этого помехой служили сохранявшийся страх свидетелей заявить о себе и препятствование исследованиям, особенно в провинциях Старой Кастилии. Архивные материалы таинственным образом исчезали, и местные чиновники часто отказывались давать разрешение на ознакомление с гражданскими реестрами¹⁸.

Многим казням, совершенным военными мятежниками, судебные процессы придавали видимость псевдозаконности, хотя фактически они мало чем отличались от внесудебных убийств. Смертные приговоры выносились после процедур, которые длились по несколько минут и в ходе которых обвиняемым не предоставляли слова¹⁹. Смерти тех, кого убивали в рамках так называемых операций по зачистке и карательных операций, имели сомнительнейшее юридическое обоснование в виде регистрации с формулировкой «в связи с введением военного положения». Это должно было узаконить внесудебные казни тех, кто сопротивлялся военному захвату власти. Таким же образом были зарегистрированы сопутствующие смерти многих невинных людей, безоружных и не оказывавших никакого сопротивления. Кроме того, совершались казни тех, кого регистрировали как убитых «без суда и следствия» за укрывательство беглецов, — их расстреливали просто по военному приказу. При этом систематически предпринимались меры по сокрытию происходившего. Заключенных увозили далеко от родных городов, казнили и хоронили в безымянных братских могилах²⁰.

И наконец, значительное число смертей вообще никак не регистрировалось. Так было со многими из тех, кто бежал от Африканских колонн Франко, направлявшихся из Севильи в Мад-

рид. По мере захвата каждого города или деревни среди убитых оказывались беженцы из других мест. Поскольку они не имели при себе документов, их имена и места рождения были неизвестны. Подсчитать точное число убитых в полях отрядами конных фалангистов и крайне правых монархистов из так называемого карлистского движения²¹, вероятно, не удастся никогда. Точно так же невозможно установить судьбу тысяч беженцев из Западной Андалусии, погибших в эмиграции после падения Малаги в 1937 году, или тех, кто со всей Испании бежал в Барселону, пытаясь найти в ней укрытие, чтобы в 1939 году умереть во время бегства к французской границе, или тех, кто покончил с собой, тщетно ожидая эвакуации из средиземноморских портов.

Тем не менее огромное количество проведенных исследований позволяет утверждать, что в целом репрессии со стороны мятежников были примерно в три раза масштабнее, чем со стороны республиканцев. Наиболее достоверное, но все же предварительное число погибших от рук военных мятежников и их сторонников составляет 130 199 человек. Однако маловероятно, что количество жертв меньше 150 000 человек, и оно вполне может быть больше. Какие-то районы были изучены лишь частично, какие-то — почти не изучены. В ряде районов, которые находились под контролем и республиканцев, и мятежников и по которым известны достаточно точные цифры, разница между числом погибших от рук республиканцев и мятежников просто шокирует. Вот несколько примеров: в Бадахосе было 1437 жертв левых против 8914 жертв мятежников; в Севилье — 447 жертв левых против 12 507 жертв мятежников; в Кадисе — 97 жертв левых против 3071 жертвы мятежников; в Уэльве — 101 жертва левых против 6019 жертв мятежников. В тех местах, где не было республиканского насилия, количество убийств, совершенных мятежниками, почти невероятно: например, в Наварре — 3280, в Ла-Риохе — 1977. В большинстве мест, где репрессии республиканцев были активнее, например в Аликанте, Жироне или Теруэле, разница исчисляется сотнями²². Исключением является Мадрид. Убийства, совершенные в течение всей войны, когда столица находилась под контролем республиканцев, по-видимому, в три раза превышали те, что были совершены после оккупации ее мятежниками. Однако точный подсчет затрудняется тем, что наиболее часто цитируемый показатель послевоенных репрессий в Мадриде, составляющий 2663 человека,

основан на изучении казненных и похороненных только на одном кладбище — Альмудена, или Сементерио-дель-Эсте²³.

Тем не менее репрессии в зоне контроля республиканцев до их прекращения правительством Народного фронта были ужасающими, хотя насилие франкистов и превосходило их по своим масштабам. Масштабы и характер репрессий ожидаемо различались: самые высокие показатели были зафиксированы в основном на социалистическом юге Толедо и на территории преобладания анархистов — от юга Сарагосы через Теруэль в западную Таррагону²⁴. В Толедо убили 3152 правых, из которых 10 % составляли представители духовенства (почти половина духовенства провинции)²⁵. В Куэнке погибли 516 человек (из них 36, или 7 %, были священниками — почти четверть духовенства провинции)²⁶. Согласно исчерпывающему исследованию Жозепа Марии Суле-и-Сабате и Жуана Виларройо-и-Фонта, число погибших в республиканской Каталонии составляет 8360 человек. Эта цифра полностью соответствует выводам комиссии, созданной Женералитетом Каталонии (каталонским региональным правительством) в 1937 году. Ее возглавлял судья Бертран де Кинтана и расследовал все случаи смертей в тылу, чтобы инициировать меры против лиц, ответственных за внесудебные казни²⁷. Подобная процедура была бы немыслима в зоне контроля мятежников.

Недавние исследования, проведенные не только в Каталонии, но и в большей части республиканской Испании, решительно опровергли пропагандистские заявления, сделанные мятежниками в то время. 18 июля 1938 года в Бургосе сам Франко сказал, что в Каталонии было убиты 54 000 человек. В той же речи он утверждал, будто 70 000 человек уничтожено в Мадриде и 20 000 — в Валенсии. В тот же день он заявил репортеру, что в общей сложности республиканцы совершили 470 000 убийств²⁸. Чтобы показать всему миру уровень республиканского беззакония, 26 апреля 1940 года он организовал крупное государственное расследование, *Causa General* («Генеральное дело»), «чтобы собрать достоверную информацию» для установления истинных масштабов преступлений, совершенных в республиканской зоне. Поощрялись доносы и преувеличения. Поэтому Франко был крайне разочарован, когда на основании информации, собранной в ходе *Causa General*, выяснилось, что число погибших составляет 85 940 человек. Раздутая и с бесчисленными дублированиями, эта цифра все равно была настолько ниже заявлен-

ной Франко, что на протяжении более четверти века ее не включали в издания, где публиковались обзоры результатов *Causa General*²⁹.

Основная, но недооцененная часть репрессий, проводившихся мятежниками, — систематическое преследование женщин — не поддается статистическому анализу. Убийства, пытки и изнасилования были распространенными видами наказания за гендерное освобождение, которое в республиканский период поддерживали многие (правда, не все) женщины, придерживающиеся либеральных и левых взглядов. Те, кто выходил из тюрьмы живым, страдали от серьезных физических и психологических проблем в течение всей жизни. Тысячи других подвергались изнасилованиям и иным видам сексуального насилия, унижениям в виде бритья головы и публичного осквернения после принудительного употребления касторового масла. У большинства женщин-республиканок также были ужасные экономические и психологические проблемы, связанные с тем, что их мужей, отцов, братьев и сыновей убивали или вынуждали бежать, в результате чего самих женщин часто арестовывали, пытаясь заставить их раскрыть местонахождение своих мужчин. Напротив, несмотря на распространенные предположения о том, что изнасилования монахинь были обычным явлением в республиканской Испании, аналогичных случаев жестокого обращения с женщинами там отмечалось относительно немного. Но это не значит, что его не было. Сексуальные домогательства в отношении 10 и гибель 296 монахинь (это примерно 1,3 % женщин, служащих в монастырях) шокирует, но по масштабам значительно уступает судьбе женщин в зоне мятежников³⁰. Это неудивительно, учитывая, что уважение к женщинам было заложено в республиканскую программу реформ.

Статистическое представление об испанском холокосте не только несовершенно, но и неполно и вряд ли когда-либо будет таковым. Оно также не в состоянии передать весь ужас, который скрывается за цифрами. Нижеследующий рассказ включает в себя множество историй отдельных людей — мужчин, женщин и детей — с обеих сторон. В нем приведены конкретные, но показательные примеры жертв и преступников со всей страны. Таким образом авторы надеются передать страдания, которые причинили согражданам офицеры, восставшие 17 июля 1936 года, своей самонадеянностью и жестокостью. Они развязали ненужную войну, последствия которой до сих пор горько отзываются в Испании.